

К ПРОБЛЕМЕ «ОБУСТРОЙСТВА» РУСИ В ТРЕУГОЛЬНИКЕ ЛИТВА – МОСКВА – ОРДА

ЕЛЕНА РУСИНА

Аннотация: Публикация посвящена вопросу о различиях между социополитическими системами Московского и Литовского государств, сформировавшихся на основе Древнерусской державы. Как правило, автократическую природу Московии, столь несхожей с Великим Княжеством Литовским, связывают с воздействием на нее монгольских социально-политических институтов. Автор отмечает, что подобные представления грешат недооценкой роли монгольского фактора в жизни ВКЛ, и ратует за пересмотр устоявшихся историографических клише.

Ключевые слова: Великое Княжество Литовское, Московское государство, Золотая Орда, социально-политические институты, кондоминиум.

THE PROBLEM OF ESTABLISHMENT OF RUS' IN THE TRIANGLE LITHUANIA – MOSCOW – HORDE

Abstract: The paper deals with the issue of differences between the socio-political systems of the Muscovite and Lithuanian states that both emerged on the grounds of Old Rus'. The autocratic nature of the Muscovite state, so dissimilar to that of the GDL, is usually ascribed to the impact of the Mongol socio-political institutions. The author points out that this notion tends to underrate the role of the Mongol factor in the life of the GDL, and concludes with a call for revision of outdated stereotypes.

Keywords: Grand Duchy of Lithuania, Muscovite State, Golden Horde, Socio-Political Institutions, Condominium.

Один из парадоксов восточноевропейской истории состоит в том, что после распада Древнерусской державы на ее руинах сложились такие непохожие политические образования, как Московское и Литовское государства, имевшие совершенно различную логику развития. Если Московия уверенно эволюционировала в сторону централизованной монархии, то Великое Княжество Литовское (далее – ВКЛ) развивалось под знаком сохранения и даже упрочения регионализма.

При этом в советской историографии Москва и Вильно объявлялись потенциально неравнозначными центрами объединения восточнославянских земель, а московская социополитическая система рассматривалась как наиболее прогрессивная среди всех существующих в регионе. Симптоматично, что подобные представления коррелировали с московскими идеологемами XVI века (например, Иван Грозный убеждал Сигизмунда-Августа в превосходстве «вольного царского самодержавства» над его «убогим королевством» (Послания Ивана Грозного, 1951: 259–260)).

Характерно и то, что если в XIV – начале XV столетия литовские перебежчики достаточно комфортно чувствовали себя в Москве (здесь, например, осели выехавшие в 1408 году вместе со Свидригайлом князья Звенигородские и потомки Патрикия Наримунтовича), то жизнь на чужбине выходцев начала XVI столетия сложилась куда более драматично – вспомним хотя бы судьбы Михаила Глинского и Василия Шемячича, которые так и не смогли вписаться в московскую социополитическую модель.

Кроме того, после них выходы знати из Литовского государства практически прекратились. С этим вполне согласуется известное замечание папского дипломата Якоба Пизо, в своем послании указавшего на московскую тиранию как фактор, препятствующий «выезду» православных из владений польско-литовского государя (1514 год). Это изменение настроений среди единоговерного населения тем более показательно, если вспомнить, что еще в 1480 году король Казимир предупреждал литовцев о промосковских симпатиях «русинов» (Ловмянский, 2002: 395) – которые вполне ощутимо проявились в ходе московско-литовских войн конца XV века. Провал аналогичных кампаний в первой трети XVI столетия свидетельствует об изменении настроений в среде восточнославянского населения ВКЛ: исследования последних десятилетий убеждают, что именно позиция этого населения определяла в конечном итоге результаты московско-литовских войн; не отрицается в современной литературе и факт «известных опасений западнорусского населения по поводу произвола и самовластья московского государя» (Кром, 1995: 229–230).

Впрочем, не следует забывать, что те автократические тенденции, которые наметились в годы правления Ивана III, не считали естественными, органически присущими Московскому княжеству и его собственные подданные. В современных исследованиях нередко цитируются слова Берсеня-Беклемишева, который видел в них отступление от «старины», вызванное появлением при дворе греков, прибывших вместе с Зоей Палеолог.

Правда, существует и другая точка зрения – что московские порядки сформировались под прямым воздействием Золотой Орды и ханств, ставших ее преемниками. Как итог, возникла дилемма, сформулированная Михаилом Чернявским еще полстолетия назад: хан или василевс? (Чернявский М., 2002). Какой именно внешний фактор искажил естественный ход развития великорусских земель? Нельзя не заметить, что в современной историографии (особенно англоязычной) чаша весов все более склоняется в сторону ордынских влияний (Pelenski, 1998: 228–243; Ostrowski, 1998: 19–21, 61; Рахимзянов, 2005: 29–38).

При этом упускается из виду, что в истории земель Юго-Западной Руси также весьма ощутимо присутствовал татарский фактор – сначала в виде прямого подчинения Орде, потом в виде литовско-татарского кондоминиума, а затем в качестве такого небезопасного соседа, как Крымское ханство; это соседство сформировало в очерченном регионе особые, пограничные, формы жизни – и, в частности, такой социально-политический феномен как украинское казачество. Правда, ход эволюции украинских и белорусских земель усложнился приходом литовцев – однако те, как известно, не производили резкую ломку местных общественно-политических институтов.

Разумеется, не следует абсолютизировать уже ставшую хрестоматийной фразу литовских правителей «мы старины не рушим, а новин не вводим»; одновременно пора отказаться от устоявшихся представлений о литовско-татарском антагонизме как факторе продвижения литовцев на Юго-Западную Русь. Инкорпорация этих земель в состав ВКЛ была осуществлена на договорных началах, вследствие соглашения, предполагавшего сохранение даннической зависимости оккупированных Литвой территорий от Орды. О наличии такой зависимости прямо говорят ярлыки Тохтамыша (1393 год), где он требует от Ягайло выплаты традиционного «выхода».

Только признание татарского верховенства дало возможность Ольгерду, несмотря на значительное давление со стороны немецких рыцарей, распространить свой политический контроль на Юго-Западную Русь – причем одновременно, а не поэтапно, как это происходило в других регионах (например, на Смоленщине). Это же объясняет и отсутствие аутентичных

известий о присоединении основного массива украинских земель к Литовскому государству – его «незаметность» для летописцев того времени.

Об ассимиляционной по отношению к тюркскому населению политике правителей Литвы свидетельствует значительное количество татарских родов в составе южнорусской шляхты XV–XVI веков и сохранение в территориальной структуре ВКЛ татарских феодалов более раннего времени (например, так называемой «Яголдаевой тьмы»). Что же касается представлений о конфронтационном характере литовско-татарских отношений во второй половине XIV века, то в современную историографию они «перекочевали» из белорусско-литовских летописей XVI века, в которых династическим претензиям московских государей на «всю Русскую землю» было противопоставлено право завоевания, вполне признававшееся как историко-юридический аргумент.

Впрочем, мотив борьбы с татарами присутствует уже в первой, середине XV столетия, редакции летописей ВКЛ; в находящейся здесь «Повести о Подолье» (которое в тот период превратилось в объект острой борьбы между Литвой и Польшей) говорится, что литовцы утвердились в данном регионе благодаря поражению, нанесенному местным татарским князьям – «отчичам и дедичам Подольской земли»; очевидно, что политическая тенденция «Повести» также заключается в отстаивании законности прав литовских правителей на украинские земли. При этом известию «Повести» о прекращении выплаты «выхода» литовскими князьями Кориатовичами противоречит грамота «государя Подольской земли» Александра Кориатовича (1375 год), которая подтверждает факт сохранения в это время традиционной практики «дани в Татары» (Розов, 1928: 20).

Таким образом, роль татарского фактора в жизни ВКЛ была гораздо более значительной, чем это принято считать в историографии. Обилие подобных стереотипов, довлеющих над умами современных исследователей, в немалой мере объясняется долгим упадком литуанистики, который последовал за ее стремительным взлетом на рубеже XIX–XX столетия. Их пересмотр позволит осуществить сопоставление двух различных моделей социального и государственного устройства, развившихся параллельно на восточнославянской основе, на качественно ином теоретическом уровне.

Библиография

1. Кром, Михаил (1995). *Меж Русью и Литвой: Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в.* Москва: Археографический центр.

2. Ловмяньский, Хенрик (2002). “Русско-литовские отношения в XIV–XV вв.”, в Анна Литвина, Федор Успенский (сост.) *Из истории русской культуры*, т. 2, кн. 1. Москва: Языки славянской культуры.

3. *Послания Ивана Грозного* (1951). Москва, Ленинград: Наука.

4. Рахимзянов, Булат (2005). “Наследие Золотой Орды в формировании Российского государства”, *Cahiers du Monde Russe*, № 46/1–2: 29–38.

5. Розов, Володимир (1928). *Українські грамоти*, Т. 1. Київ: ВУАН.

6. Ostrowski, Donald (1998). *Muscovy and the Mongols: Cross-cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304-1589*. Cambridge: University Press.

7. Pelenski, Jaroslaw (1998). *The Contest for the Legacy of Kievan Rus'*. New York: Columbia University Press.